© 2010 г.

С.А. Коваленко, В.П. Толстиков

II. О НАЧАЛЕ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ НА БОСПОРЕ

Во второй части статьи, посвященной обстоятельствам и времени появления самостоятельной монетной чеканки на Боспоре, авторами предложена новая гипотеза становления и развития раннего монетного дела Пантикапея. Совокупность нумизматических, археологических и исторических свидетельств позволила прийти к выводу о том, что чеканка первых боспорских монет началась в первые годы V в. до н.э. и была призвана покрыть расходы на осуществление широкой программы общественного и культового строительства, в результате которого Пантикапей приобрел облик настоящего городского центра.

Ключевые слова: возникновение монеты, денежное хозяйство, хронология чеканки, клады, поштемпельное исследование, археологические комплексы, хронология археологических памятников.

Возвращаясь к вопросу о времени появления ранней серебряной чеканки Пантикапея, мы хотели бы прежде всего отметить, что вне зависимости от того, копировали ли первые боспорские монеты самосский или милетский тип лицевой стороны, вполне естественно относить начало их выпуска ко времени после появления собственной серебряной монеты в этих малоазийских центрах.

Исследователи второй половины XX в., занимавшиеся изучением архаической чеканки Милета, единодушны в мнении о том, что terminus post quem первых серебряных выпусков Милета стало введение серебряной монеты лидийским царем Крезом[1]. Б. Пфайлер датировала чеканку первых милетских серебряных оболов 550–520 гг. до н.э., Ф. Беккер относил их появление примерно к 540 г. до н.э., Г. Кан помещал ближе к концу VI в. до н.э.[2] Выпуск первого серебра осуществлялся параллельно с чеканкой заключительных серий электровых монет Милета с изображением на л.с. фигуры лежащего льва, обернувшегося назад (табл. I, *10–16*). При этом использовался тот же весовой стандарт и система номиналов, что облегчало размен электра на серебро[3]. Отмечена и стилистическая близость изображений профильной львиной головы на серебряных и электровых монетах[4].

Коваленко Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, заместитель заведующего Отделом нумизматики Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Толстиков Владимир Петрович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом античного искусства и археологии Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

[1] Pfeiler 1966, 5; Becker 1988, 23–24; Işik 2003, 102.

[2] Pfeiler 1966, 14–15; Becker 1988, 24; Cahn 1970, 122, Anm. 318.

[3] Pfeiler 1966, 5, Anm. 3.

[4] Becker 1988, 23–24; Cahn 1970, 94; Işik 2003, 102–103.

Примечательно, что именно изображение головы льва в профиль было ведущим типом л.с. как серебряных, так и электровых монет, с уверенностью относимых к милетской чеканке[5].

Изображение львиной головы в фас встречено лишь на немногочисленной группе серебряных монет[6], которые по своему весу, однако, резко выделяются из основной массы раннего милетского серебра (табл. I, *17–19*). Пытаясь понять их место в системе серебряной милетской чеканки, основанной на милетском (лидийском) весовом стандарте со статером 14,1 г, Б. Пфайлер рассматривала эти монеты как 1/8 (вес 1,76 г), 1/16 (вес 0,79 г), 1/32 (вес 0,35 г) и 1/64 (вес 0,20 г) статера[7]. Поскольку традиционное деление статера лидийского веса на фракции производилось по двенадцатиричной системе (1/3, 1/6, 1/12 и т.д.), появление 1/8 и т.д. статера в нее не вписывалось. По мнению Б. Пфайлер, введение подобных монет в систему серебряной чеканки Милета было обусловлено потребностью в мелкой монете, которая использовалась для размена введенных Крезом серебряных статеров и полустатеров. Это предположение определяло как дату рассматриваемых монет 550–540 гг. до н.э., так и их вспомогательную функцию на денежном рынке полиса – в отличие от милетских оболов (1/12 статера) (табл. I, *15–16*), игравших важную роль в международной торговле и во множестве находимых в кладах архаического времени, монеты с фасовой головой льва предназначались для удовлетворения потребностей внутреннего рынка и обращения на ограниченной территории[8].

Более правдоподобная, на наш взгляд, интерпретация этих монет была предложена М. Матцке, который отнес их к чеканке Самоса. В пользу такого предположения свидетельствовал как вес, легко соотносимый с самосским весовым стандартом[9], так и близость изображения л.с. мотивам самосских электровых и ранних серебряных выпусков (табл. I, *7–9, 20–22*)[10]. Традиционность изображения львиной головы в фас на самосских монетах в отличие от милетских, подтверждается его использованием на электровых выпусках заведомо самосского происхождения, поскольку они происходят из кладового комплекса, обнаруженного на острове в 1894 г. (табл. I, *8–9*)[11]. Кроме того, аналогичное изображение львиной головы в фас, помещенное в рамку из точек, использовалось на несколько более поздних серебряных монетах Самоса, относимых к последнему десятилетию VI в. до н.э. и уже имевших на о.с. изображение головы быка, ставшее на столетия традиционным

---

[5] Л. Вайдауэр, подготовившая корпус ранней электровой чеканки, с уверенностью относила к милетским выпускам монеты с изображением на л.с. лежащего льва, лежащей лошади и бодающего быка, при чеканке которых были использованы идентичные штемпеля о.с. (табл. I, *10–14*) (Weidauer 1975, 67–68). Место чеканки электровых статеров и их фракций с изображениями фасовых львиных голов (Ibid., Nr. 153–165) (табл. I, *1–6*), в ранней литературе относившихся к чеканке Милета (Babelon 1907, 26–28, pl. I, *20–25*; Зограф 1951, 164, табл. I, *7–8*; Шелов 1951, 49), Л. Вайдауэр определить затруднилась.

[6] Б. Пфайлер в 1966 г. было известно лишь пять экземпляров этого типа (Pfeiler 1966, 6).

[7] Ibid., 7.

[8] Ibid., 17–18.

[9] При весе самосского статера 13,1 г крупнейшая серебряная монета с фасовым изображением головы льва (вес 1,55–1,66 г) могла рассматриваться как октоон или 1/8 статера.

[10] Matzke 2002, 27, 36. В настоящее время известно более двух десятков монет этого типа, хранящихся в музейных и частных собраниях, ср. Rosen 1983, nos. 579–580; Hirsch 1998, Nr. 286; Klein 1999, nos. 420–423, 432a; Münzen & Medaillen 2001, Nr. 258; SNG 2002, nos. 455–461.

[11] Babelon 1894, 149–163; 1907, 218–219.

типом реверса в самосской чеканке (табл. I, *20*)[12]. М. Матцке датировал появление рассматриваемых монет временем расцвета самосской талассократии, т.е. правлением тирана Поликрата (537–522 гг. до н.э.)[13]. Однако если учесть отмеченную близость изображений аверса этих монет типам последующих выпусков, нельзя исключать и несколько более позднюю датировку. В пользу этого свидетельствует и использование на этих монетах изображения о.с., характерное, как правило, уже для чеканки более развитой стадии. Думается, датировка рассмотренных предположительно самосских серебряных монет с фасовым изображением головы льва последней четвертью VI в. до н.э. в настоящее время может считаться наиболее взвешенной.

Известна еще одна группа серебряных монет с изображением головы льва в фас на л.с. и вдавленным квадратом на о.с., иногда разделенным на четыре части, которая в ранней литературе благодаря типу л.с. предположительно относилась к чеканке Милета или Самоса (табл. I, *23–25*)[14]. Впоследствии, однако, подобная атрибуция была отвергнута, поскольку эти монеты чеканились по особому весовому стандарту, который был определен как фокейский[15]. Две подобные монеты происходят из клада архаического времени, обнаруженного ок. 1893 г. предположительно на западном побережье Малой Азии и частично поступившего в нумизматические коллекции Копенгагенского и Британского музеев (табл. I, *24–25*)[16]. О. Моркхольм определил эти монеты как тетробол (3,91 г) и диобол (1,92 г) эгинского веса, не согласившись с предположением о том, что они были чеканены по фокейскому стандарту. Вопрос о месте выпуска подобных монет он оставил открытым[17].

О. Моркхольм отнес сокрытие клада примерно к 500 г. до н.э. на основании находок в нем мелких серебряных монет с изображением скорпиона на о.с., которые он датировал 510–500 гг. до н.э. Самыми ранними монетами этого комплекса были гемидрахмы и более мелкие номиналы теосской чеканки, относившиеся к середине VI в. до н.э., а остальная масса обнаруженного нумизматического материала, по мнению исследователя, хронологически укладывалась во вторую половину столетия[18]. Сегодня, однако, можно постулировать и более позднюю дату образования рассматриваемого кладового комплекса. В пользу этого свидетельствует наличие в нем двух монет Абидоса, относящихся к 515–494 гг. до н.э.[19] Упомянутые монеты с изображением шкуры льва на л.с. и скорпиона на о.с. соотносятся сегодня с чеканкой карийской Миласы и датируются V в. до н.э., ближе к середине столетия[20].

Таким образом, нельзя исключать и вероятность сокрытия рассматриваемого клада в первой половине V в. до н.э. Обнаруженные в кладе монеты с изображением головы льва в фас, которые О. Моркхольм, отнюдь, не считал наиболее ранними монетами комплекса, по аналогии с рассмотренными выше предположительно самосскими выпусками и с учетом омоложения верхней хронологической границы клада также могут быть датированы последней четвертью VI в. до н.э.

---

[12] Matzke 2002, 27, Abb. 5–7; Barron 1966, pl. V, *1a*.

[13] Matzke 2002, 27.

[14] Head 1892, 350, nos. 9, 12–16, pl. XXXIV, *4–7*; Babelon 1907, 271–272, no. 432; 279–280, nos. 444–445, pl. XI, *9, 20*.

[15] Babelon 1907, 271–272, no. 432; 279–280, nos. 444–445, pl. XI, *9, 20*; Barron 1966, 19.

[16] Mørkholm 1970, 80.

[17] Ibid., 84, nos. 19–20, pl. 26.

[18] Ibid., 91.

[19] Ibid., nos. 46–47; Price, Waggoner 1975, 84. Ср. также SNG 2007, no. 953.

[20] SNG 1967, Nr. 7803; 2002, no. 934; CNG 2004, no. 745.

Примечательно в этой связи и появление близкого мотива головы льва или львицы en face на мелких серебряных монетах Аканфа, относящихся к начальному этапу городской чеканки, хронологические рамки которого определялись 520–470 гг. до н.э. (табл. I, *26*)[21]. Находки подобных монет при раскопках некрополя Амфиполя, основанного афинянами лишь в 437 г. до н.э.[22], неизбежно ставят на повестку дня вопрос о корректировке традиционной датировки этих выпусков также, вероятно, в сторону омоложения[23].

Современное состояние нумизматических источников, таким образом, позволяет прийти к выводу, что относительно широкое использование изображения львиной головы en face в репертуаре монетных типов серебряной чеканки греческих полисов Малой Азии приходится на конец третьей – последнюю четверть VI в. до н.э. Подобные изображения, безусловно, еще сохраняют связь с аналогичными более ранними мотивами электровой чеканки, также передавая голову животного довольно схематично, с нарушением естественных пропорций, искусственным акцентированием некоторых элементов, например, глаз, ушей и т.п., и в целом находятся в русле тенденций архаического искусства. Последняя четверть VI в. до н.э. поэтому должна рассматриваться и как terminus post quem появления первых монет Пантикапея, использующих мотив головы льва en face, очевидно, восходящий к прослеженным выше образцам малоазийской серебряной чеканки.

Подобная датировка подтверждается и рядом косвенных данных. Первые боспорские монеты, как это было показано еще А.Л. Бертье-Делагардом[24], чеканились по эгинской весовой системе с драхмой весом ок. 6 г. Изучение монетного дела греческих полисов Эгеиды и Малой Азии свидетельствует, однако, о том, что широкое использование эгинского монетно-весового стандарта для чеканки серебряной монеты начинается не ранее последней четверти VI в. до н.э. Наиболее ранние же выпуски серебряной монеты бились по милетскому (лидийскому), аттическо-эвбейскому, самосскому, фокейскому весовым стандартам. Главной зоной первоначального распространения эгинской весовой системы в третьей четверти VI в. до н.э. были лишь области к юго-востоку от Эгины – южная часть Кикладских островов, Книд и собственно Кария[25].

Первые монеты Пантикапея демонстрируют и одну технологическую особенность, также не позволяющую датировать их ранее последней четверти VI в. до н.э. – уплощение поверхности оборотной стороны монетного кружка вокруг quadratum incusum (табл. II, *32–33*). Эта черта – следствие использования более крупного, чем сам монетный кружок, штемпеля о.с., в результате удара которым поверхность вокруг получаемого изображения реверса уплощалась. Подобная техника так называемого flat-nose trussel die заметно снижала вероятность выскальзывания монетного кружка при чеканке и продлевала жизнь штемпеля о.с. Чеканенные таким образом монеты по внешнему виду отличны от более ранних экземпляров с характерным бобовидным фланом и глубоким вдавленным квадратом, «утопленным» в округлую поверхность монетного кружка. Появление оборотных штемпелей новой формы, бывшее несомненным шагом вперед в совершенствова-

---

[21] Head 1879, no. 21; Brett 1955, 70, no. 525; SNG 1982, no. 3.

[22] Kosmidou 2006, pl. 81, no. 20.

[23] Ср. Ibid., 417; Price, Waggoner 1975, 40–42.

[24] Бертье-Делагард 1913, 72 сл.

[25] Kraay 1976, 34–35; Carradice, Price 1988, 31; Cahn 1970, 191–192; Matzke 2002, 35–36, 41–42; Işik 2003, 134, 141; Sheedy 2006, 6, 136.

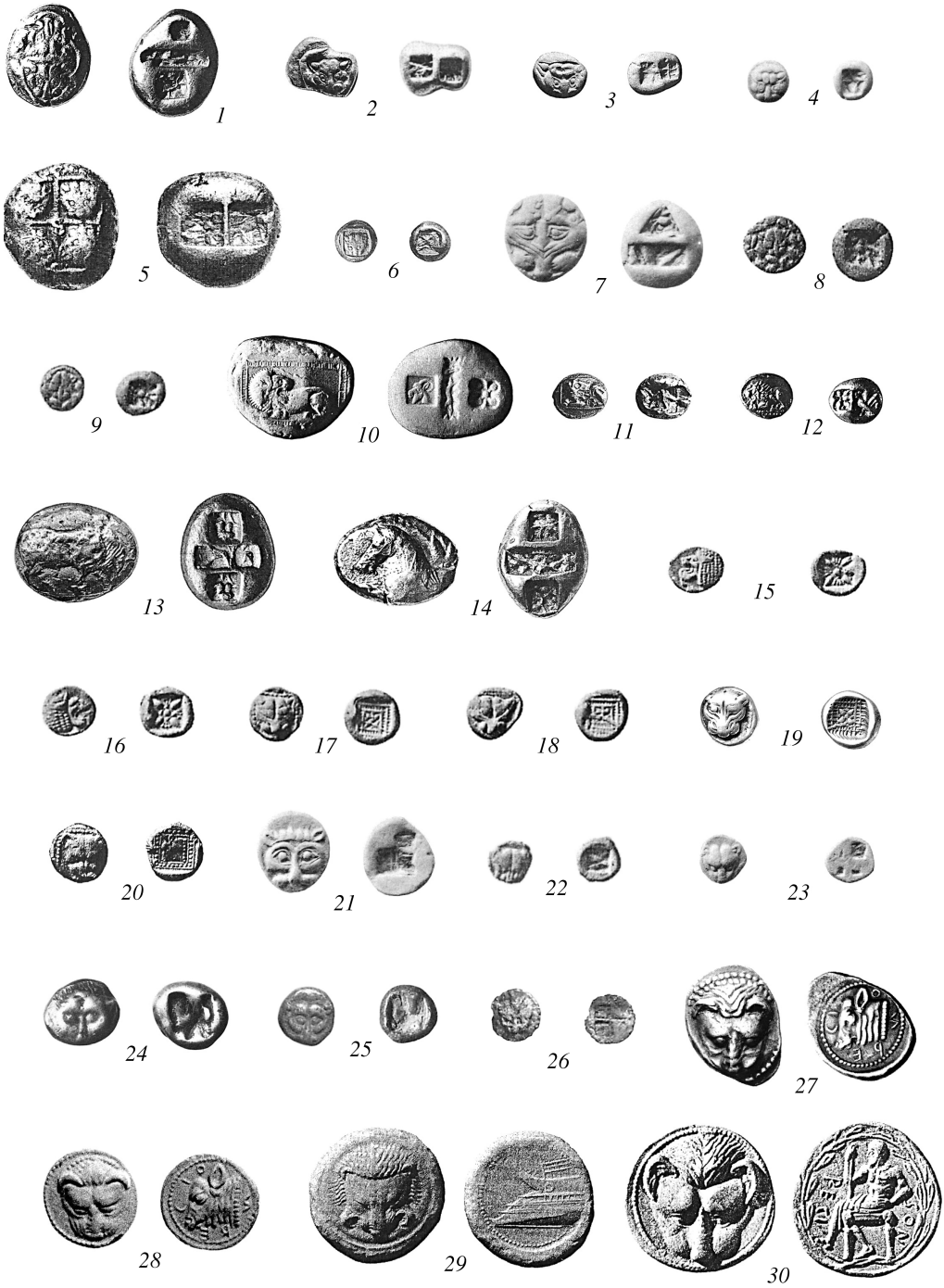

Таблица. I. *1–6* – Малая Азия, электр, конец VII – первая половина VI в. до н.э.; *7–9* – Самос, электр, первая половина VI в. до н.э.; *10–14* – Милет, электр, середина – начало второй половины VI в. до н.э.; *15–16* – Милет, серебро, оболы, вторая половина VI в. до н.э.; *17–22* – Самос, серебро, конец третьей – начало последней четверти VI в. до н.э.; *23–25* – Малая Азия, серебро, последняя четверть VI в. до н.э.; *26* – Македония, Аканф, серебро, первая четверть V в. до н.э.; *27–28* – Бруттий, Регий, Анаксилай, серебро, драхмы, 494/493–480 гг. до н.э.; *29* – Сицилия, Занкла, серебро, тетрадрахма, 494/493–490/489 гг. до н.э.; *30* – Бруттий, Регий, серебро, тетрадрахма, 461–445 гг. до н.э.

Таблица. II. *31* – Бруттий, Регий, серебро, тетрадрахма, 461–445 гг. до н.э.; *32–34* – Пантикапей, серебро, 1-й выпуск; *35–41* – Пантикапей, серебро, 2-й выпуск; *42–43* – Пантикапей, серебро, 3-й выпуск; *44–47* – Пантикапей, серебро, 4-й выпуск; *48* – Пантикапей, серебро, 5-й выпуск; *49–50* – Пантикапей, серебро, 6-й выпуск; *51–52* – Пантикапей, серебро, 7-й выпуск; *53–54* – Пантикапей, серебро, 8-й выпуск

нии техники монетной чеканки, на основе находок в кладах монет, битых таким способом, относится сегодня к 520–510 гг. до н.э.[26]

Более точно определить дату начала монетной чеканки на Боспоре помогает анализ самого нумизматического материала. Благодаря усилиям Н.А. Фроловой мы располагаем сегодня корпусом ранних пантикапейских монет, отражающим состояние источниковой базы ранней боспорской нумизматики к началу XXI столетия[27]. Собрав максимально доступное на то время количество монетного материала, Н.А. Фролова разобрала его по штемпелям. Все это, в свою очередь, сделало возможной объективную оценку объемов и продолжительности выпуска монетных серий, относящихся к начальному этапу деятельности монетного двора Пантикапея.

Различные группы ранних боспорских монет были отнесены Н.А. Фроловой к отдельным типам на основании изменений рисунка штемпелей о.с. По сути, выделенные ею типы представляли собой последовательные выпуски, демонстрировавшие постепенное усложнение мотива реверса, – от грубого аморфного quadratum incusum к более четко оформленному вдавленному квадрату, разделенному на четыре части, в которых можно увидеть сперва две, затем четыре рельефные точки, сменяющиеся выступами, напоминающими крылья ветряной мельницы, на которых появляются одна, затем две четырехлучевых звезды и, наконец, начальные буквы имени города (табл. II, *32–54*). В условиях анэпиграфной, типологически однородной чеканки, каковой была чеканка Пантикапея на первых этапах своего развития, отмеченные изменения в оформлении реверса монет, безусловно, имели своей целью отличить различные выпуски друг от друга.

Отсутствие находок ранних пантикапейских монет в надежно датированном археологическом контексте, безусловно, затрудняло их привязку к абсолютной хронологической шкале[28]. До недавнего времени был известен лишь один случай находки серебряного тетартемория IV типа по классификации Н.А. Фроловой (с двумя рельефными точками во вдавленном квадрате) (табл. II, *44–45*) в ямке с золой, прорезавшей амфору-очаг первой четверти V в. до н.э. и перекрытой слоем, хорошо датированным по керамическому материалу второй четвертью V в. до н.э.[29] Подобные ямки диаметром 0,30–0,35 м и глубиной 0,15 м располагались по линии запад–восток вдоль южной стены многокамерного комплекса I, функционирование которого относилось к фазе 2 второго строительного периода, которая по керамическому материалу датировалась 510–490 гг. до н.э. (рис. 1, ямки 5–6)[30]. Эти круглые в плане ямки, оказавшиеся заполненными глинистым слоем, служили, вероятно, в качестве гнезд крепления вертикальных столбов-опор для какого-то сооружения типа временного навеса, пристроенного к отрезку южной кладки данного здания после того, как оно прекратило свое существование в качестве единого комплекса.

---

[26] Price, Waggoner 1975, 76; Sheedy 2006, 6–7.

[27] Frolova 2004.

[28] Известные кладовые комплексы не могли оказать в этом отношении существенной помощи, поскольку либо содержали только боспорские монеты (т.е. не давали внешних независимых хронологических реперов), либо являлись кладами длительного накопления, в которые входили монеты, относящиеся к широкому временному промежутку. Новейший обзор кладов, в составе которых имеются ранние боспорские монеты, см. Абрамзон, Фролова 2007–2008, 61–78.

[29] Анисимов 1992, 330, табл. I, *344*; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 324–325.

[30] Толстиков 1992, 74–75; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 308–309.

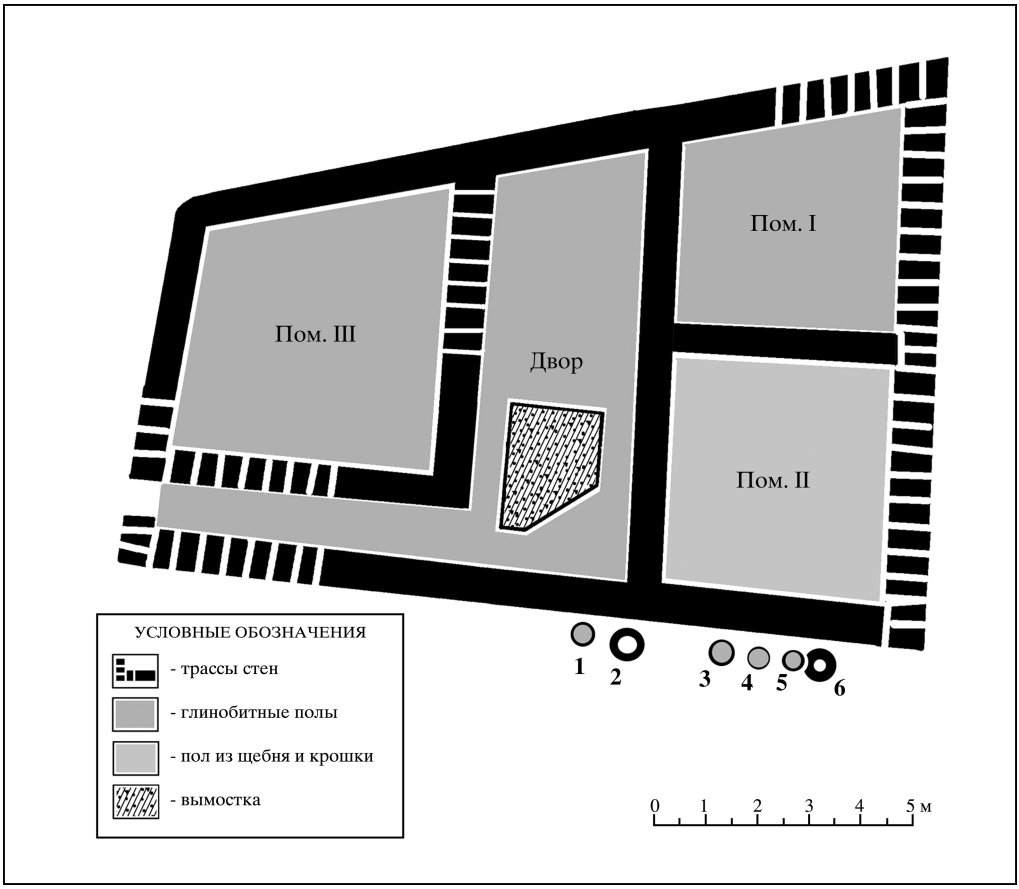

Рис. 1. Многокамерный комплекс МК I. Схематический план

Как удалось установить, первоначально перед внешним фасом указанной кладки в материковый грунт и уже накопившуюся прослойку культурного слоя были врыты горлами вниз две верхние части амфор-очагов. Несколько позднее, при сооружении навеса, гнездо опорного столба частично прорезало одну из этих амфор, использованную в качестве очага и уже скрытую под прослойкой культурного слоя. Западной в ряду оказалась верхняя часть хиосской раннепухлогорлой амфоры с окрашенным венцом и узкими полосами краски на ручках[31], восточной – зарытая аналогичным образом верхняя часть лесбосской сероглиняной амфоры[32]. Обе были заполнены золой и угольками, а стенки их прокалены и треснули от огня. В хиосской амфоре-очаге in situ был обнаружен небольшой круглодонный гончарный кухонный сосуд с двумя ручками, подтверждающий функциональное назначение этого устройства. В золистом заполнении ямки, прорезавшей, как сказано выше, край амфоры-очага, и была найдена упомянутая мелкая серебряная пантикапейская монета – тетартеморий IV типа.

Таким образом, археологический контекст подтверждает, что начало второй четверти V в. до н.э. может рассматриваться как terminus ante quem для чеканки

[31] Абрамов 1993, 10; 27, IB-2.
[32] Там же, 11, 31, IB.

пантикапейских монет IV типа. Примечательно, что в общей массе монет первых четырех выпусков пантикапейской чеканки, зарегистрированных в корпусе Н.А. Фроловой, монеты четвертого выпуска составляли более половины всего количества[33]. При этом он представлен исключительно мельчайшими номиналами – гемиоболами, тетартемориями и гемитетартемориями. Количество штемпелей, которыми чеканены эти монеты, весьма заметно превосходит количество штемпелей, учтенных для предыдущих выпусков[34]. Естественному, казалось бы, предположению о длительном периоде чеканки этих монет, однако противоречит, во-первых, факт выпуска только мелких номиналов этого типа, безусловно, диктовавший одновременное использование сразу нескольких лицевых штемпелей, что не только ускоряло и удешевляло процесс чеканки, но и позволяло обеспечить необходимую массу именно разменной монеты, которой для денежного обращения всегда требовалось больше. Во-вторых, лицевые штемпеля монет рассматриваемого выпуска демонстрируют отсутствие какого-либо длительного стилистического развития, подтверждающего их производство в течение долгого временного отрезка. Скорее можно говорить об участии в изготовлении лицевых штемпелей нескольких резчиков. Об этом свидетельствует одновременное использование как схематичных, грубых изображений л.с., так и вполне реалистичных львиных голов, выполненных со знанием всех деталей и на достаточно высоком художественном уровне (табл. II, *44–47*). Примечательно, что практически идентичные изображения первого типа встречаются на монетах всех четырех начальных выпусков боспорского серебра, что указывает на их изготовление одними и теми же резчиками и, следовательно, на чеканку этих монет в течение достаточно ограниченного временного периода, вряд ли больше жизни одного поколения (табл. II, *33, 36, 42–45*).

Несколько уточнить дату начала чеканки позволяет наличие среди пантикапейских монет второго типа (с вдавленным квадратом в виде крыльев ветряной мельницы на о.с.) изображений головы льва, восходящих, как кажется, к лицевому типу монет Регия, чеканившихся при тиране Анаксилае в 494/493–480 гг. до н.э.[35] Обращает на себя внимание общая подтреугольная форма львиной морды, четко

---

[33] Frolova 2004, 17–23.

[34] Например, количество лицевых штемпелей для чеканки гемиоболов – номинала, представленного во всех четырех начальных выпусках, распределяется в них следующим образом: 7–8–5–31.

[35] Ср. SNG 1969, pl. XXVIII, *1577–1579*. А.Н. Зограф в свое время обратил внимание на сходство лицевого изображения пантикапейских монет с восьмилучевой звездой на о.с. (тип VI по Н.А. Фроловой) с изображениями аверса первых монет, носивших имя Мессаны (490–480 гг. до н.э.), и датировал на этом основании пантикапейские монеты со звездой первой четвертью V в. до н.э. (Зограф 1951, 165, табл. XXXIX, *16*). Необходимо, однако, в этой связи заметить, что на самом деле монеты как этого, так и последующих выпусков, несущие на о.с. изображение одной или двух четырехлучевых звезд, имеют на л.с. изображение головы льва, гораздо более близкое типу л.с. монет Регия, которые начали чеканиться в этом городе после изгнания из него тиранов в 461 г. до н.э. (табл. I, *30*; табл. II, *31,*) (ср. Herzfelder 1957, pl. I–II). И те, и другие изображения демонстрируют использование характерного приема передачи ушей животного, при котором их контуры фактически сливаются с абрисом львиной головы. Горизонтальные рельефные линии одинаково передают морщины в носовой части, схожим образом трактуется и поверхность боковых частей львиной морды (табл. II, *49–54*). Упомянутые А.Н. Зографом в качестве аналогий пантикапейским выпускам ранние монеты Мессаны встречаются гораздо реже однотипных монет Регия, они целенаправленно подвергались перечеканке, что делает маловероятным их использование в качестве образцов пантикапейскими резчиками (Kraay 1969, 141–142, 146).

выделенные лобные доли, полукруглые небольшие, высоко сидящие уши, контуры гривы, на лбу чуть выступающей вперед (табл. I, *27–28*; табл. II, *38–41*).

Очевидно, обстоятельства появления в пантикапейском монетном деле регийского варианта изображения головы льва в фас можно связывать с событиями, известными из литературных источников и последовавшими после поражения Ионийского восстания в 494 г. до н.э. Жители сицилийского города Занклы послали посольство в Ионию с предложением основать новую ионийскую колонию на острове. Согласившиеся участвовать в этом предприятии самоссцы и беглецы из Милета по прибытии в Великую Грецию последовали, однако, совету регийского тирана Анаксилая, который подговорил их захватить Занклу, оставленную на время местным тираном Скифом[36]. Город, таким образом, попал в руки самосских и милетских переселенцев, которые начали чеканку здесь собственной монеты с самосскими типами, но по аттическому весовому стандарту (табл. I, *29*). Наличие пяти выпусков, помеченных буквенными обозначениями, позволило прийти к выводу, что эта чеканка продолжалась не менее пяти лет до 490–489 гг. до н.э., когда ионийцы были изгнаны из Занклы Анаксилаем, захватившим город и переименовавшим его в Мессану[37]. Можно предположить, что часть самосских и милетских беглецов, нашедших временный приют в Занкле, после изгнания оттуда направилась именно в являвшийся милетской колонией Пантикапей, ведь сам Милет был разрушен персами, а его взятые в плен жители переселены Дарием в Сузы[38].

Изображения львиной головы и Аполлона являлись характерными типами монетной чеканки Регия, который находился под покровительством этого божества и был основан по его повелению[39], поэтому нет ничего удивительного в том, что знакомые с регийской чеканкой резчики, которые вполне могли быть среди прибывшего в Пантикапей самосско-милетского контингента изгнанников, использовали подобные образцы и при работе на местном монетном дворе. В любом случае несомненно участие высококвалифицированных мастеров-резчиков в изготовлении штемпелей л.с., начиная уже со второго выпуска пантикапейского серебра. Художественный уровень вырезанных ими изображений значительно превосходит по качеству основную массу находившихся в употреблении одновременно с ними штемпелей, явно изготовленных менее опытными, очевидно, местными боспорскими мастерами (табл. II, *38–41, 46–47*). Примечательно также, что если во втором выпуске подобные качественные штемпеля являются единичными[40], то уже в четвертом выпуске (с двумя точками во вдавленном квадрате) их количество заметно увеличивается и составляет для гемиоболов около трети, а для тетартемориев – около половины всех используемых штемпелей л.с.[41] Все учтенные

---

[36] Herod. VI. 22–23; Thuc. VI. 4.

[37] Robinson 1946, 15.

[38] Herod. VI. 19, 25.

[39] Strabo. VI. 1. 6; Robinson 1946, 16–17.

[40] Из 20 штемпелей триоболов таковым является только один (Frolova 2004, Taf. 2, *36*), а из 29 штемпелей диоболов – три штемпеля л.с. (Ibid., Taf. 3, *71–73*).

[41] Эти цифры являются приблизительными как в силу слабой сохранности приводимых Н.А. Фроловой монет, так и не всегда высокого качества их иллюстраций, что, безусловно, затрудняет идентификацию штемпелей. Однако для характеристики общей тенденции даже таких примерных цифр вполне достаточно. Выделение Н.А. Фроловой третьего типа (выпуска) пантикапейского серебра (с вдавленным квадратом, разделенным на четыре части), включающего всего восемь монет, является, на наш взгляд, неоправданным, поскольк-

Н.А. Фроловой монеты пятого выпуска (с четырьмя точками во вдавленном квадрате) демонстрируют только грубые и схематичные изображения аверса, стилистически близкие к продукции местных резчиков (табл. II, *48*).

Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что второй выпуск пантикапейского серебра, характерной чертой которого было деление вдавленного квадрата на четыре части и заполнение их рельефными выступами наподобие крыльев ветряной мельницы, вряд ли начал чеканиться намного ранее 490–489 гг. до н.э. Незначительные объемы первого выпуска пантикапейского серебра[42] свидетельствуют о том, что едва ли он продолжался более десяти лет, и, таким образом, мы снова вправе говорить о первых годах V в. до н.э., как наиболее вероятной дате начала монетной чеканки на Боспоре.

В этой связи весьма примечательно, что на этот же период приходятся качественные изменения во внешнем облике будущей столицы Боспорского государства, проследить которые удалось благодаря активным археологическим исследованиям, проводившимся на территории Пантикапея в течение последних десятилетий. Многолетние археологические раскопки Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина в районе вершины Первого кресла горы Митридат позволили к настоящему времени исследовать более 15 000 кв. м территории в центральной части городища и предоставили возможность создания всесторонне обоснованной реконструкции основных этапов развития и строительства Пантикапея, его оформления как урбанистического центра, с присущим такому центру функциональным зонированием территории и активным общественным строительством[43].

Одним из важнейших результатов этих работ следует считать открытие на широких площадях, на раскопах Новый Эспланадный, Центральный и Центральный Северный культурных напластований и строительных объектов середины VI – первой половины V в. до н.э. Полученные материалы и стратиграфические наблюдения позволили впервые создать хронологическую схему формирования архитектурно-планировочной среды на территории, входившей в пределы акрополя Пантикапея[44].

К *фазам 1* и *2* первого строительного периода относятся исследованные на участке к западу от вершины Первого кресла горы Митридат семь круглых в плане, заглубленных в материковый грунт котлованов так называемых «землянок», обозначенных номерами 1, 2, 5, 8, 9–11, а также несколько хозяйственных ям (рис. 2).

Материалы из слоев заполнения этих строительных объектов разнообразны, выразительны и их надежно датируют периодом между 50-ми–20-ми годами VI в. до н.э.[45] (рис. 3).

К *фазе 1* второго строительного периода следует отнести открытый на Верхнем Митридатском раскопе так называемый «Дом эмпория» – небольшую однокамерную жилую постройку размерами в плане 2,65 × 3,10 м. Эта же строительная фаза представлена и на западном плато вершины Первого кресла в пределах Централь-

---

ку подобная же форма вдавленного квадрата встречается на монетах, отнесенных ею как к первому, так и ко второму типам (табл. II, *42–43*), ср. Frolova 2004, Taf. 1, *23, 25*; 2, *28*; 4, *87–89*.

[42] Для наиболее многочисленного номинала этого выпуска – триоболов Н.А. Фролова учла 17 штемпелей л.с. (Frolova 2004, 17–18, Nr. 6–22).

[43] Толстиков 2001, 385–427; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2002, 43–49; 2002а, 260–285; 2003, 307–327; 2004, 344–365.

[44] Толстиков 2001, 385–427.

[45] Там же, 389–395; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003а, 259–266; 2004, 344–365.

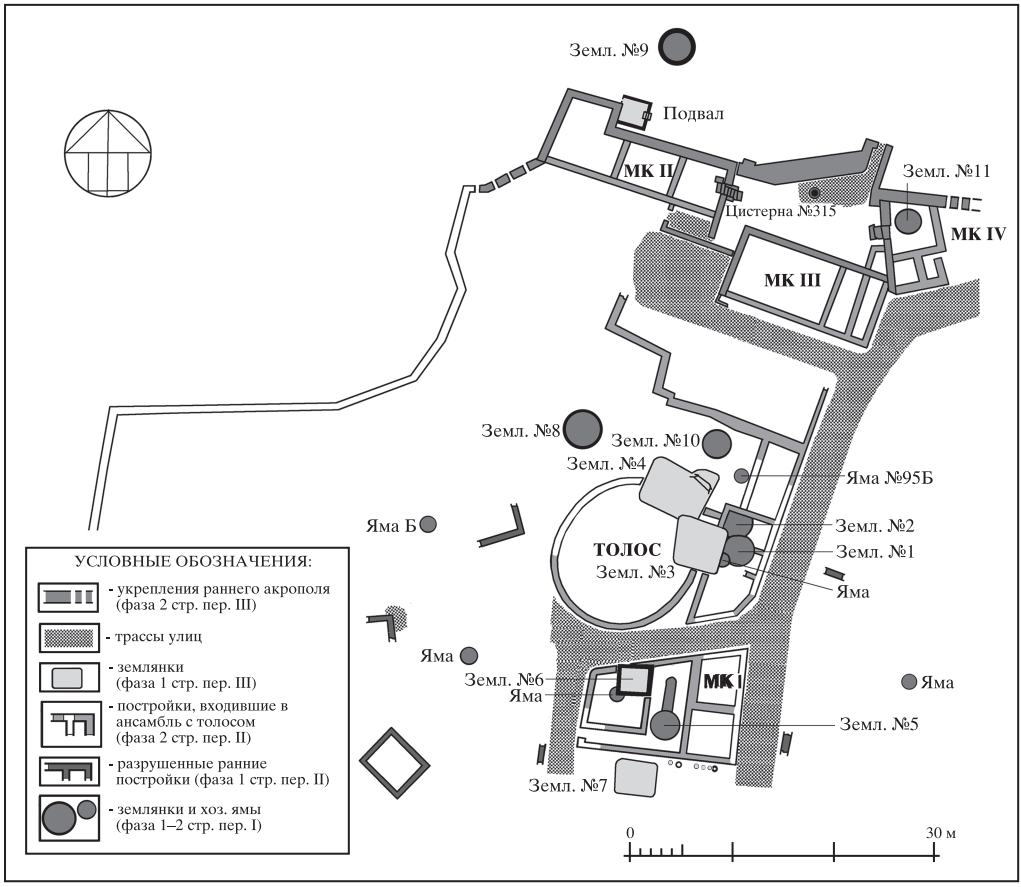

Рис. 2. Монументальные сооружения в районе вершины Первого кресла горы Митридат. План

ных раскопов: здесь удалось выявить остатки еще одного аналогичного жилого дома (дом № 1), расположенного в пределах квадратов 96, 114 и представлявшего собой также однокамерную постройку, ориентированную углами по сторонам света (рис. 2). Ее сырцово-кирпичные стены опирались на каменные цоколи толщиной до 0,55 м. Размеры помещения в плане составляли 3,80 × 4,10 м, т.е. общая его площадь не превышала 16 кв. м. Над полом, в слое, заполнявшем помещение, был найден достаточно выразительный керамический материал, датирующий время сооружения, бытования и разрушения дома № 1 в пределах последней четверти VI в. до н.э.

Фаза 2 второго строительного периода характеризуется выраженным прогрессом в развитии системы застройки западного плато. Совершенно очевидно, что хронологический отрезок между 510 и 485 гг. до н.э. явился одним из ключевых моментов в истории Пантикапея – временем его интенсивной урбанизации, превращения в городской центр полиса.

К этой фазе может быть отнесен ряд монументальных сооружений, образовавших ядро города и располагавшихся в районе вершины Первого кресла горы Митридат (рис. 2, 4). Композиционным и функциональным центром этого ансамбля служило круглое в плане здание, диаметром ок. 15 м, т.е. толос – монументальная

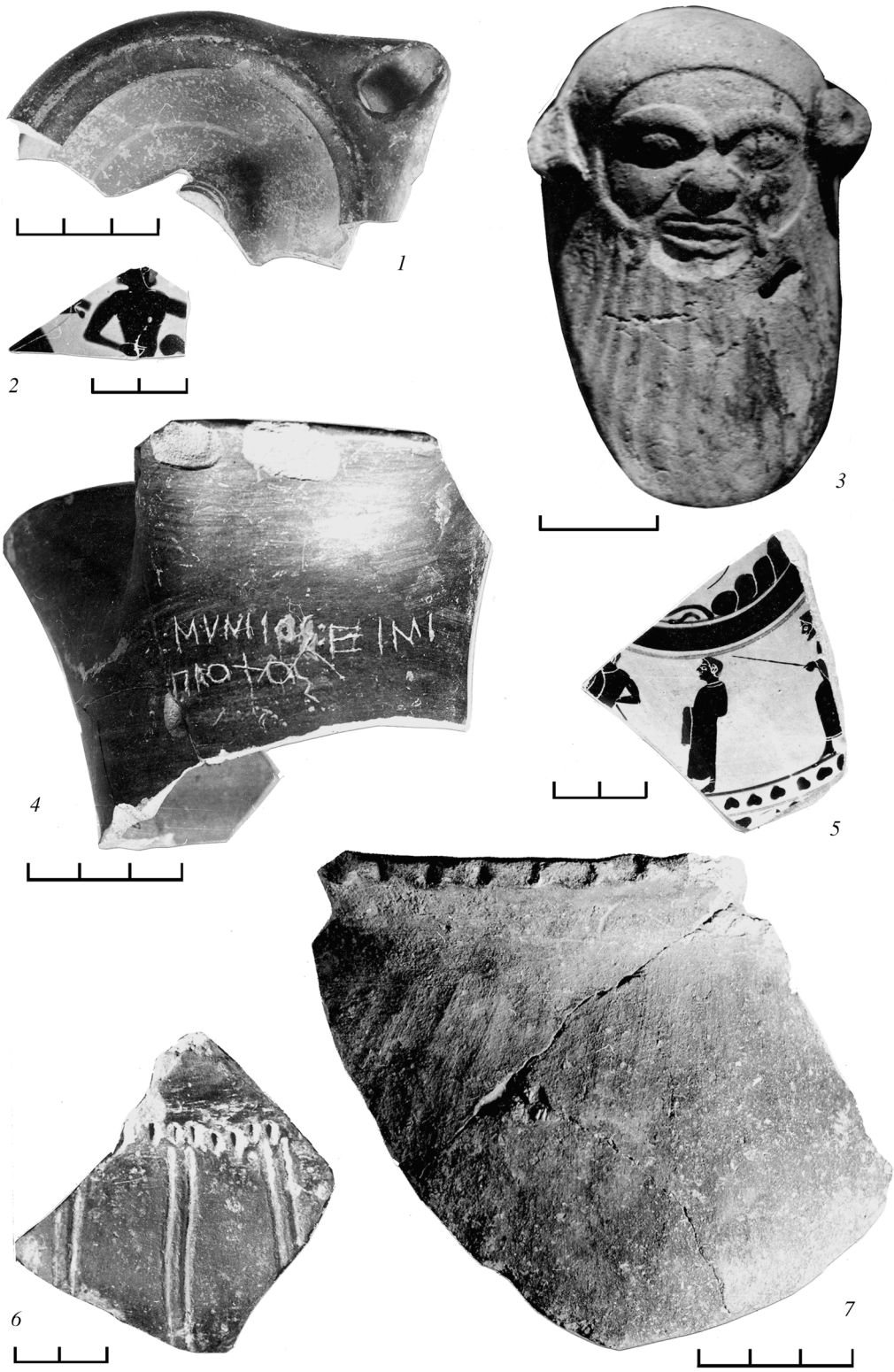

Рис. 3. Археологические находки из землянок фазы 1 и 2 первого строительного периода

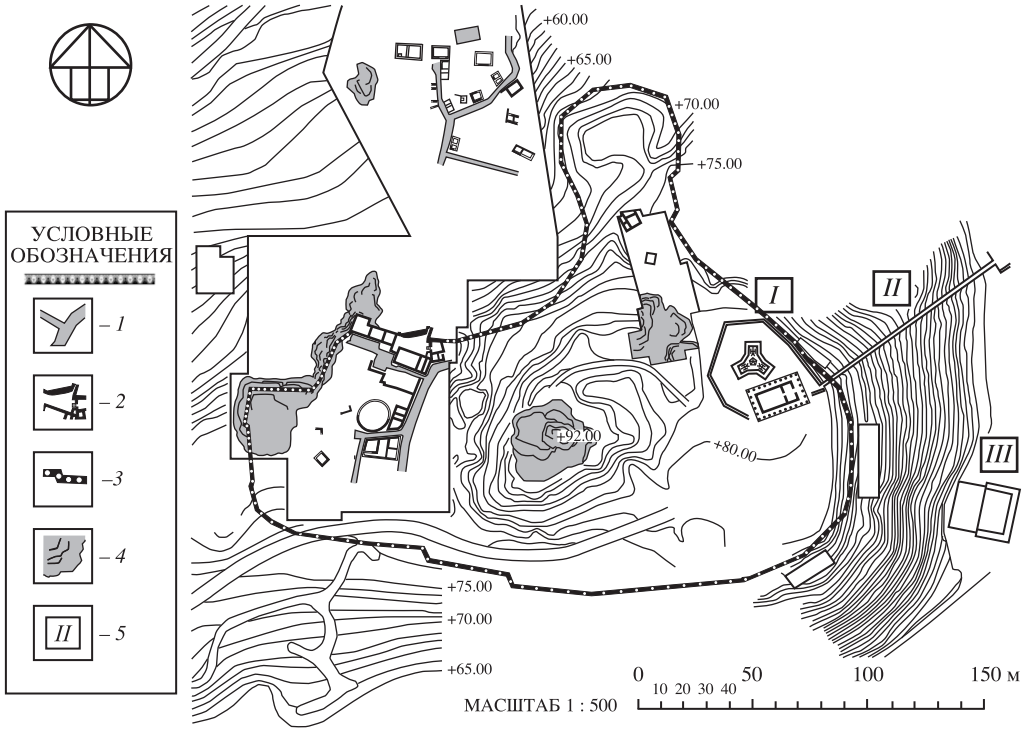

Рис. 4. Гипотетический план акрополя Пантикапея в первой четверти V в. до н.э. *1* – трассы улиц; *2* – археологически исследованные строительные остатки (фаза 2 второго строительного периода); *3* – предполагаемая трасса ранних укреплений акрополя; *4* – скальные массивы; *5* – современные строительные объекты: [I] – обелиск героям, павшим за освобождение Крыма; [II] – Большая Митридатская лестница; [III] – местоположение старого музея

постройка довольно редкой для ранней эллинской архитектуры формы[46]. Сырцово-кирпичные стены толоса покоились на солидном каменном цоколе толщиной 0,85 м. Участок, на котором он размещался, был замкнут с трех сторон: с восточной – зданием, располагавшимся вдоль главной улицы по оси север-северо-восток – юг-юго-запад, с южной стороны – переулком, шедшим по трассе запад – восток до пересечения с главной улицей, наконец, примерно в 7 м к северу от толоса участок ограничивала монументальная стена-ограда, сооруженная по трассе восток-юго-восток – запад-северо-запад (рис. 2).

К югу от толоса, на противоположной стороне улицы, размещался многокамерный комплекс I (МК I) трапециевидных в плане очертаний, общая площадь которого составляла 120 кв. м. Его стены также были сооружены из сырцово-кирпичной кладки, опиравшейся на каменные цоколи. Здание включало в себя три помещения и внутренний двор, центральная часть которого была замощена.

С северной стороны ансамбль с толосом замыкали еще три монументальные постройки – многокамерные комплексы II, III, IV (МК II, III, IV), расположенные на склоне западного плато. Все они имели по три помещения, однако в соответствии с рельефом местности, различались в отношении планировки (рис. 2).

Находки из МК I, II, III, IV и толоса обильны и разнообразны. Изучение их состава не только позволяет надежно датировать фазу 2, но и приблизиться к реше-

[46] Seiler 1986, 5–39.

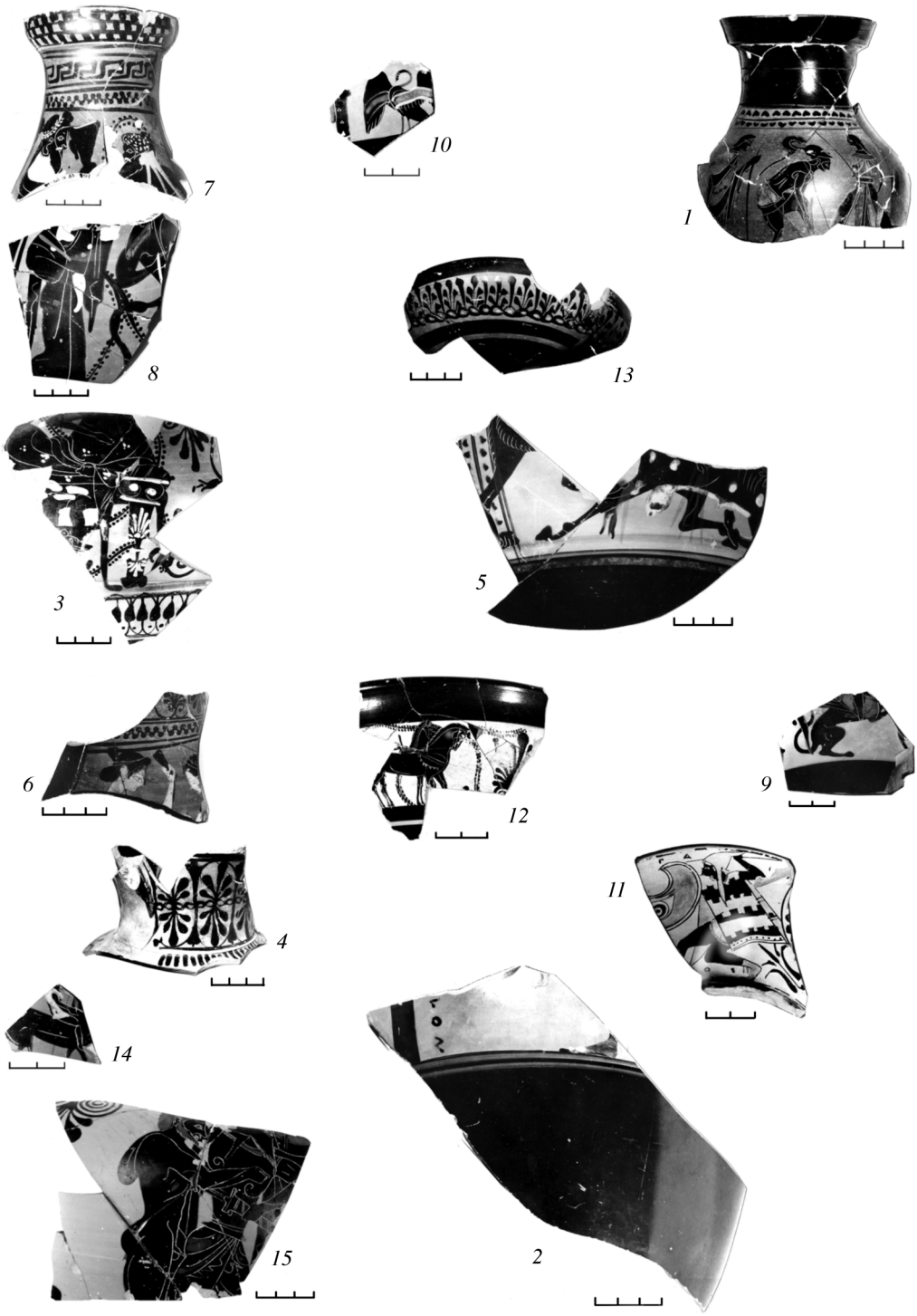

Рис. 5. Расписная керамика из многокамерного комплекса I (МК I)

нию вопроса относительно функционального назначения архитектурного ансамбля (рис. 5). Рассмотрим наиболее выразительные и важные для датировки образцы (порядковые номера соответствуют номерам на рис. 5):

1) амфора чернофигурная, фрагментированная, на лицевой стороне изображение вооружающегося воина-гоплита, на оборотной – бородатый Дионис с ритоном, стоящий между фигурами сатира и менады (М-88, Ц., кв. 134, шт. 12; полевая опись № 191). Аттика, ок. 520–510 гг. до н.э. (CVA 1996, pl. 7, *1–2*.);

2) фрагмент нижней части тулова панафинейской амфоры (М-85, Ц., кв. 84, к северу от кл. № 88б, над полом; полевая опись № 50). Аттика, конец VI в. до н.э. (CVA 1996, pl. 7, *3*);

3) фрагменты горла и тулова чернофигурной амфоры с изображением возлежащего на ложе Диониса (М-86, Ц., кв. 83–101, шт. 13; полевая опись № 253). Аттика. Группа Леагра, круг мастера Лувра F 314. Ок. 520–510 гг. до н.э. (CVA 1996, pl. 17, *1–2*);

4) горло neck-амфоры с чернофигурным изображением фриза пальметт (М-86, Ц., кв. 83–101, шт. 13; полевая опись № 252). Аттика. Группа Леагра, круг мастера Лувра F 314. Ок. 520–510 гг. до н.э. VI в. до н.э. (CVA 1996, pl. 17, *1*);

5) фрагмент вместилища чернофигурного кратера с изображением сцены терзания быка львами (М-88, Ц., кв. 82–83; полевая опись № 1). Круг мастера Мюнхен 1736. 530–520 гг. до н.э. (CVA 1996, pl. 22, *1*);

6) фрагмент чернофигурной ольпы с изображением голов танцующих менад (М-86, Ц., кв. 101, шт. 12; полевая опись № 251а). Аттика, ок. 500 г. до н.э. (CVA 1996, pl. 28, *4*);

7) верхняя часть чернофигурной ольпы с изображением обращенных друг к другу голов бородатого Диониса с ритоном в руке и сатира (М-86, Ц., кв. 83–101, шт. 13; полевая опись № 249). Аттика, конец VI в. до н.э. (CVA 1996, pl. 30, *1*);

8) фрагмент стенки чернофигурной ойнохои или ольпы с изображением менады и сатира (М-88, Ц., кв. 82–83, к югу от кл. № 100, над завалом сырца; полевая опись № 4). Аттика, ок. 500 г. до н.э. (CVA 1996, pl. 30, *4*);

9) фрагмент стенки чернофигурного скифоса с изображением части фигуры сидящего сфинкса (М-88, Ц., кв. 82–83, к югу от кл. № 100, над завалом сырца; полевая опись № 2). Группа CHC. 510–500 гг. до н.э. (CVA 1996, pl. 50, *1*);

10) фрагмент стенки мелкофигурного килика с чернофигурной росписью с изображением части стоящей мужской фигуры и лебедя (М-87, Ц., МК I, пом. II; полевая опись № 287). Аттика, третья четверть VI в. до н.э. (CVA 1996, pl. 56, *4*);

11) край фигурного сосуда с чернофигурным изображением пигмея во фракийском одеянии, со щитом-пельтой и копьем по белому фону (М-1548). Аттика, конец VI в. до н.э.

12) фрагмент чернофигурного килика с изображением колесницы-биги: сохранились передние части фигур коней (М-1515). Аттика. Мастер Хаймон, конец VI – начало V в. до н.э. (CVA 1996, pl. 52, *3*);

13) фрагмент чернофигурного килика с фризом из пальметт (М-86, Ц., кв. 83–101, сброс керамики в МК I; полевая опись № 257). Аттика, первая половина V в. до н.э. (CVA 1996, pl. 66, *1*);

14) фрагмент чернофигурного килика с изображением фигуры всадника в белом хитоне (М-1484). Аттика, 20-е годы VI в. до н.э.

15) фрагменты стенки чернофигурной neck-амфоры с изображением двух обращенных вправо фигур: стоящего обнаженного бородатого мужчины с переброшенным через плечо сложенным плащом и вытянутой вперед правой рукой

Рис. 6. Керамическая ванна из многокамерного комплекса I (МК I) (реконструкция А. Гарибальди)

и идущего воина-гоплита в шлеме коринфского типа и колоколовидном панцире-гиалотораксе, вынимающем из ножен меч-ксифос (М-2000, Ц.-С; полевая опись № 30). Аттика. Круг мастера Лисиппида, ок. 520 г. до н.э.[47]

Обращает на себя внимание обилие в сюжетах росписи изображений Диониса и персонажей дионисийского круга.

Среди отмеченных выше материалов поистине уникальная находка была сделана во дворе МК I: около 80 обломков массивной керамической ванны для омовений, толщина стенок которой достигала 3,5 см (рис. 6). Край ванны оформлен массивным, отогнутым наружу карнизом, орнаментированным рельефными овами и жемчужником. Под карнизом внешняя поверхность ванны разделена на пять горизонтальных рельефных фризов, образованных лесбийским киматием, чередующимися пальметтами и цветами лотоса, овами. Присутствует также и сюжетный фриз, на котором изображены мчащиеся вправо, одна за другой, колесницы-биги, управляемые возницами. Все элементы декора ванны выполнены на высоком художественном уровне с помощью набора специальных штампов-матриц[48]. Богатство и сюжетный характер декора позволяют считать, что пантикапейская ванна в отличие от обычных ванн не предназначалась для заглубления ниже уровня пола. Напротив, ее расположение предполагало возможность кругового обзора. Все свидетельствует в пользу того, что данное уникальное керамическое изделие, выполненное, вероятно, по индивидуальному заказу в одной из мастерских Малой Азии, служило не для обычных бытовых санитарных нужд, но должно было использоваться для *общественных или сакральных целей*. На общественную, сакральную

[47] Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 317–318.

[48] Ванны многократно встречались при раскопках в различных регионах ойкумены, см. Ginouves 1962; Fuchs 1964–1965, 709–710; 705, Abb. 26; Mitsopoulos-Leon 1992, 25–29. Тем не менее пантикапейская ванна с полным основанием должна быть признана уникальной. Многолетние поиски аналогий не дали ни одного примера подобного декора ванн. Некоторые параллели элементам декора фиксируются в архитектурных терракотах из Ларисcы-на-Гермосе, датируемых рубежом VI–V – началом V в. до н.э.: Åkerstrom 1966, 45–63; Gruppe 2, Taf. 19; 21, *1*; Gruppe 3, Taf. 22–24; 25, *1, 2, 4*. Схема изображения фриза с лесбийским киматием, пальметтами и бутонами лотоса довольно близка, например, схеме архитектурных фризов, украшавших сокровищницы в Дельфах, а также антемия с острова Фасос (Courtils 1983, 138 (представлена схема эволюции киматия); 1997, 489–552).

функцию этого архитектурного ансамбля может указывать и найденный вместе с обломками керамической ванны в помещении МК I крупный фрагмент стенки панафинейской амфоры (рис. 5, *2*).

Весьма важная и информативная, в контексте нашего исследования, находка была сделана в процессе раскопок МК III в пределах квадратов 206, 238 раскопа Центральный-Северный (рис. 2). Здесь, при расчистке внешнего фаса цокольной кладки западной стены этого здания, было установлено, что значительный отрезок ее впущен в существовавшую на момент постройки естественную западину в материке, глубиной не менее 1 м и протяженностью с севера на юг до 3,5 м. После возведения стены углубление было засыпано культурным слоем, образованным плотным темно-коричневым суглинком с включениями щебня, раковин мидий и амфорных фрагментов, и перекрыто вымосткой с водостоком.

Анализ амфорного материала позволяет заключить, что это естественное углубление в материке было засыпано при сооружении МК III, строившегося одновременно с МК I, II, IV и толосом, не позднее рубежа VI–V вв. до н.э.

Находки амфорного материала

Раскоп Ц.-С. Квадраты 206, 238, штык 17 (заполнение углубления в материке)

Центр производства	Венчик	Ручка	Ножка	Дата	Тип, аналогии
Клазомены	5	2		втор. пол.VI – нач.V в. до н.э.	Абрамов*, 2.22, 2.23
Хиос	12	5	1	кон. VI – нач.V в. до н.э.	Абрамов, 2.1, 2.2, 2.5, 2.6, 2.9, 2.12
эолийские со стаканообразным дном	21	14		втор. пол. VI – нач.V в. до н.э.	Абрамов, 2.28, 2.30
тип на сложнопрофилированном кольцевом поддоне	2	3		втор. пол. VI – нач. V в. до н.э.	Абрамов, 2.33, 2.36, 2.45
Самос	1			кон. VI – нач.V в. до н.э.	Абрамов, 2.74

Раскоп Ц.-С. Квадраты 206, 238, штык 18 (заполнение углубления в материке)

Центр производства	Венчик	Ручка	Ножка	Дата	Тип, аналогии
Хиос		3		кон.VI – нач. V в. до н.э.	Абрамов, 2.5, 2.6
тип на сложнопрофилированном кольцевом поддоне	1	1		втор. пол. VI – нач. V в. до н.э.	Абрамов, 2.33, 2.37
эолийские со стаканообразным дном	5	6		втор. пол. VI – нач.V в. до н.э.	Абрамов, 2.28, 2.30

Раскоп Ц.-С. Квадраты 206, 238, штык 19 (заполнение углубления в материке)

Центр производства	Венчик	Ручка	Ножка	Дата	Тип, аналогии
Клазомены	1			втор. пол. VI – нач. V в. до н.э.	Абрамов, 2.22

Раскоп Ц.-С. Квадраты 206, 238, штык 20 (заполнение углубления в материке)

Центр производства	Венчик	Ручка	Ножка	Дата	Тип, аналогии
Клазомены	2			втор. пол. VI – нач. V в. до н.э.	Абрамов, 2.22
Хиос		1		втор. пол. VI в. до н.э.	Абрамов, 2.2
эолийские со стаканообразным дном	1	2	1	втор. пол. VI – нач. V в. до н.э.	Абрамов, 2.28, 2.30, 2.31
тип на сложнопрофилированном кольцевом поддоне	2			кон. VI – нач. V в. до н.э.	Абрамов, 2.34

*Абрамов 1993.

Этот вывод надежно подтверждается и находкой в глинобитном полу помещения II МК III фрагментов neck-амфоры с чернофигурным изображением фигур стоящего обнаженного бородатого мужчины и идущего воина-гоплита, относящейся к кругу мастера Лисиппида и датируемой ок. 520 г. до н.э. (рис. 5, *15*)[49].

Для темы нашего исследования особое значение имеет находка в слое заполнения рассматриваемого углубления пантикапейской серебряной монеты первого выпуска, которая, видимо, была утеряна в ходе строительства[50]. С учетом всего сказанного выше о возможном terminus post quem начала боспорской чеканки, этот факт является важным подтверждением постулируемого нами положения о выпуске первых боспорских монет на рубеже VI–V вв. до н.э.

Таким образом, можно считать установленным, что на плато к западу от вершины Первого кресла горы Митридат к рубежу VI–V вв. до н.э. существовал весьма важный архитектурно оформленный общественный центр полиса (рис. 2, 4). Функционально он мог быть, например, связан с деятельностью полисных магистратов (пританов (?)), а также служить местом отправления сопутствующих их статусу сакральных действий[51].

Новейшие исследования дают основания полагать, что на фазу 2 второго строительного периода приходится возведение еще одного весьма значительного по масштабам ранней северопонтийской архитектуры объекта. Речь идет о периптере, посвященном Аполлону, – верховному покровителю ионийского эллинства на Боспоре, сооруженном между 500 и 485 гг. в самосском варианте ионического ордера на верхнем плато акрополя Пантикапея[52]. Параметры сохранившихся баз, частей антаблемента и реконструируемой нами капители свидетельствуют о том, что эти детали принадлежат ордерной постройке, которая по своим размерам занимала как бы промежуточное положение между очень крупным амфипростилем и относительно небольшим периптером (рис. 7). На это обстоятельство справедливо указывал еще И.Р. Пичикян, подчеркивая, что «ордерные детали пантикапейского храма близки периптериальным, но значительно превышают размеры амфипро-

[49] Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 317–318.

[50] *Толстиков В.П.* Отчет о раскопках Пантикапея в 2001 году. Опись монет 2001 года, № 24. Ср. Зограф 1951, табл. XXXIX, *11*.

[51] Следует подчеркнуть, что в древнегреческой архитектуре толос относится к достаточно редкому типу зданий общественного характера, связанных либо с отправлением культов, как, например, в святилище Кабиров в Фивах, либо с функционированием полисных магистратов, как на афинской агоре (Seiler 1986, 25–39).

[52] Толстиков 2010, 277–315.

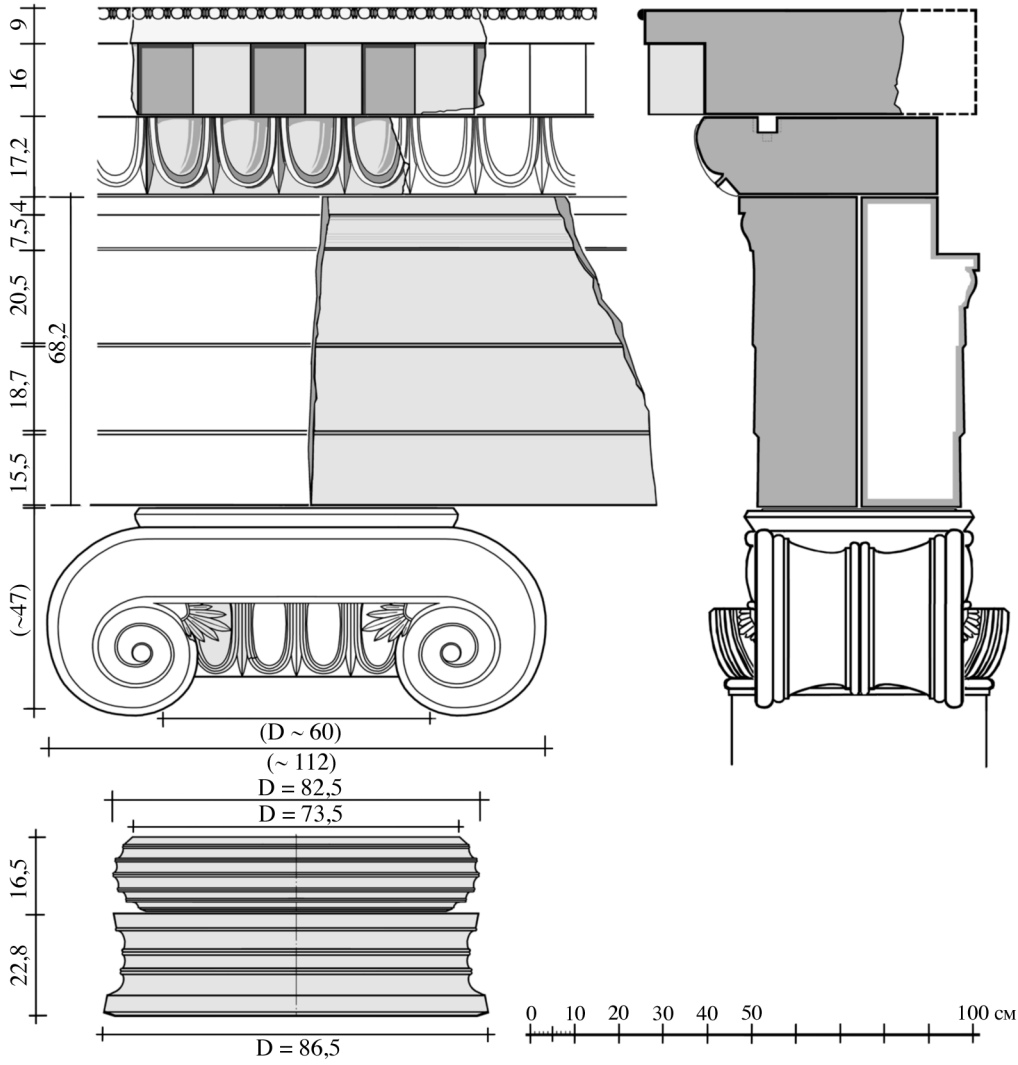

Рис. 7. Антаблемент храма Аполлона 500–485 гг. до н.э. с разрезом

стильных и антовых храмов»[53]. Учитывая характерную для милетской архитектуры архаического периода тенденцию к несколько укороченным в плане периптерам, можно предполагать, что ранний пантикапейский храм с шестью колоннами на фасадных сторонах мог иметь не более восьми, максимум десяти колонн на боковых сторонах[54]. Согласно нашей реконструктивной схеме, фасад храма мог иметь в ширину до 14 м при высоте более 10 м (рис. 8)[55].

---

[53] Пичикян 1984, 168.

[54] Schmidt-Dounas 2004, 133.

[55] Принимая во внимание местоположение храма на верхнем плато холма, его особое значение для главного полиса Боспора и почти полный его обзор со стороны бухты, считаем, вслед за В.Д. Блаватским и И.Р. Пичикяном, возможным отдать предпочтение периптеральному типу сооружения. Однако, учитывая тенденцию к несколько укороченным в плане периптерам, характерную для милетской архитектуры архаического периода, можно

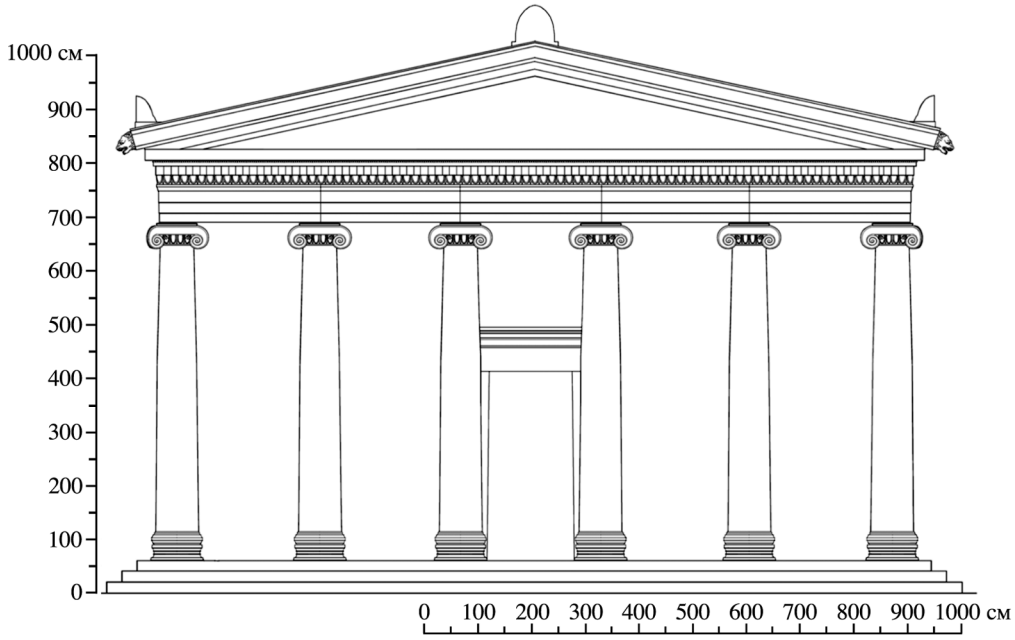

Рис. 8. Фасад храма Аполлона 500–485 гг. до н.э. (реконструкция В.П. Толстикова)

Становится, таким образом, очевидно, что в течение нескольких лет властями пантикапейского полиса была разработана и осуществлена программа широкого общественного и храмового строительства, кардинально изменившая внешний вид милетской колонии и придавшая Пантикапею действительно городской облик. Появление в числе других городских сооружений значительного по размерам периптерального храма, построенного из местного известняка, но с соблюдением всех канонов греческой храмовой архитектуры, безусловно, предполагало участие в его возведении приезжих архитекторов, каменотесов, а также мастеров других строительных специальностей. Условием успешного проведения такого масштабного строительства было и наличие достаточного количества рабочих рук для выполнения значительных объемов работ, не требовавших высокой квалификации. Другими словами, город в это время впервые столкнулся с необходимостью широкого использования наемного труда и соответствующей платы за него.

Сам факт возведения столь значительных по затратам средств и сил, а также столь сложных в техническом отношении зданий служит свидетельством роста политического значения и экономического потенциала молодого полиса. Нельзя исключить также и то, что реализация весьма масштабных архитектурных проектов, по всей видимости, стала возможна именно в этот период благодаря притоку в Пантикапей известного числа новых переселенцев-эпойков из Милета и других областей Ионии после подавления персами Ионийского восстания и разрушения ими Милета в 494 г. до н.э.[56]

Впрочем, переселение отдельных групп милетян могло и непосредственно предшествовать этим трагическим событиям. Весьма наглядный и хорошо дати-

---

предполагать, что и ранний пантикапейский храм с шестью колоннами на фасадных сторонах имел не более, чем восемь или десять колонн на боковых сторонах.

[56] Завойкин 2007, 222–223.

рованный пример такого рода эмиграции засвидетельствован Геродотом, который сообщает, что зять милетского тирана Гистиэя Аристагор, будучи также тираном Милета, в 496 г. до н.э., т.е. перед спровоцированным им Ионийским восстанием, покинул Милет в качестве беженца и вместе с другими колонистами обосновался в Миркине – области, в которой позднее возник город Амфиполь[57]. Этот эпизод показывает, что в числе вынужденных эмигрантов были как представители богатых аристократических фамилий, так граждане других категорий. Не исключено, что родину могло покинуть и некоторое количество искусных мастеров – архитекторов, каменотесов, ремесленников.

Таким образом, как свидетельствует весь комплекс находящихся в нашем распоряжении нумизматических, археологических и исторических материалов, монетная чеканка Пантикапея могла начаться именно в первые годы V в. до н.э., и главной причиной выпуска собственной монеты, очевидно, стала необходимость финансирования широкого строительства общественных и культовых сооружений, возводившихся с применением наемного труда, людьми, привыкшими получать оплату именно в звонкой монете[58].

Осуществление строительных работ такого рода требовало весьма значительных затрат. Например, расходы на возведение только Парфенона, начавшееся на полстолетия позже, оцениваются учеными в сумму от 470 до 1500 талантов[59]. Какой бы ни была истинная цифра, ясно, что в любом случае речь должна была идти о сотнях талантов или при переводе в монетный эквивалент – о десятках и даже сотнях тысяч драхм. В этой связи примечательна структура номиналов самых первых выпусков пантикапейского серебра. Ведущее место в них занимают триоболы и диоболы[60], т.е. монеты, которые могли составлять кратную часть дневного заработка наемного работника или равняться такому заработку[61]. Последующие же выпуски представляли собой большей частью разменную мелочь – от гемиобола и

---

[57] *Herod.* V. 124, 126.

[58] О необходимости осуществления государственных выплат различного рода как причине начала собственной чеканки в греческом мире см. ч. I, прим. 88 (с соответствующей литературой).

[59] Кузнецов 2000, 44.

[60] Из 30 монет первого выпуска, учтенных в корпусе Н.А. Фроловой, – 19 триоболов, из 65 монет второго выпуска – 21 триобол и 30 диоболов (Frolova 2004, 17–20).

[61] Например, архитектор Архилох, руководивший строительством Эрехтейона, получал одну драхму в день (Кузнецов 2000, 51). Здесь необходимо отметить, что попытки некоторых исследователей напрямую соотнести количество известных для различных выпусков лицевых штемпелей с продолжительностью чеканки этих выпусков (допущение «один штемпель = один год чеканки», ср. Строкин 2007, 333–334) методически неправомерны и опровергаются известными сегодня данными о вероятном количестве монет, которые могли быть отчеканены античным монетным штемпелем. Для холодной чеканки эти цифры составляют 5000–8000 монет на штемпель, для горячей, с предварительным нагреванием монетного кружка, – 10000–16000 монет (Sellwood 1963, 229–230; Tobey, Tobey 1993, 28–31). Заметим, что даже при весьма невысокой интенсивности использования штемпелей, допускающей чеканку 30 монет в час (300 монет при десятичасовом рабочем дне), для выпуска 15000–16000 тысяч монет, т.е. до полного износа штемпеля, понадобилось бы всего не более 1,5–2 месяцев работы. Нетрудно также подсчитать, что при средней поденной оплате даже в 1 драхму (ср. Кузнецов 2000, 55, 63) и 26 рабочих днях в месяц монет достоинством, к примеру, в триобол, чеканенных одним штемпелем, хватило бы для оплаты труда всего лишь 8–13 или 16–25 работников в год. Эти далекие от реальности цифры, безусловно, свидетельствуют о том, что для насыщения внутреннего рынка Пантикапея

меньше, что отражало нацеленность создававшейся монетной системы на обслуживание прежде всего повседневных расчетов на внутреннем полисном рынке.

Структура номиналов ранней пантикапейской чеканки, несомненно свидетельствующая о ее ориентации на нужды внутреннего рынка полиса, означает, что внешняя торговля, и прежде всего ключевая для Боспора крупнооптовая торговля хлебом, велась с помощью иных платежных средств. Обнаруженное недавно уникальное двустрочное граффито на венчике аттического чернолакового килика позволяет прояснить этот вопрос. Граффито происходит из цистерны № 315, представляющей собой закрытый археологический комплекс, прекративший существование не позднее конца VI в. до н.э.[62] Особенности шрифта также позволяют датировать граффито второй половиной VI – началом V в. до н.э. Его перевод: «Ипикрат получает пятьдесят статеров» (рис. 9)[63]. По справедливому заключению издателя – перед нами документ, связанный с банковской деятельностью и, в частности, со снятием определенной суммы со счета клиента, в данном случае некоего Ипикрата[64]. Помимо чрезвычайно интересного факта существования неких институтов или отдельных лиц, в столь раннее время занимавшихся проведением банковских, а возможно, и кредитных операций, этот документ важен упоминанием значительной суммы «статеров». Поскольку монетный двор Пантикапея никогда не чеканил монет крупнее драхмы, речь в данном случае, безусловно, идет об иностранной монете, и, учитывая популярность в причерноморских областях кизикинов, можно с достаточной степенью уверенности предполагать, что имелись в виду именно электровые статеры Кизика[65]. Таким образом, перед нами еще одно документальное подтверждение использования иностранной валюты в денежных операциях на Боспоре до появления здесь собственной монеты.

Подводя итоги, хочется еще раз подчеркнуть, что в данной работе мы попытались предложить непротиворечивую концепцию появления собственной монетной чеканки на Боспоре, соответствующую современному состоянию изучения как нумизматических, так и археологических источников не только Боспора, но и других областей ойкумены. Весь комплекс имеющихся в нашем распоряжении свидетельств указывает на то, что создание и начало функционирования собственного монетного двора в Пантикапее может относиться ко времени не ранее начала V в. до н.э. Эта мера была продиктована необходимостью реализации широкой программы государственного общественного и культового строительства, ставшей возможной благодаря не только возросшему экономическому потенциалу пантикапейского полиса, но и притоку людских ресурсов из Ионии в ходе начавшегося в 499 г. до н.э. восстания ионийских городов против персов. Возведение монументального храма Аполлона, представлявшего собой самосский вариант периптера ионического ордера, так же, как и использование в монетной типологии Пантика-

---

достаточным количеством денежной массы, чеканка на местном монетном дворе должна была производиться несколькими штемпелями одновременно.

[62] Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2004, 350, рис. 11, *1*. Публикация граффито к печати была подготовлена А.В. Агафоновым.

[63] Там же, 348–349.

[64] Там же, 349.

[65] В пользу именно этого предположения свидетельствуют и известные сегодня находки кизикских статеров ранних групп как в самом Пантикапее, так и в соседнем Мирмекии (Шелов 1949, 93–94; Бутягин, Чистов 2004, 31–41). Численный состав мирмекийского клада кизикинов (99 экз.) свидетельствует, что денежные суммы, подобные указанной в граффито Ипикрата, не были чем-то экстраординарным.

Рис. 9. Граффито с именем Ипикрата из цистерны № 315

пея образцов регийской чеканки, свидетельствуют о том, что выходцы с Самоса могли составлять значительную часть прибывших на Боспор переселенцев.

Чеканка первых пяти выпусков пантикапейского серебра (типы I–V по классификации Н.А. Фроловой) могла осуществляться, на наш взгляд, в течение первой четверти V в. до н.э. О непродолжительном периоде изготовления этих монет говорит использование в различных выпусках штемпелей, вырезанных одними и теми же резчиками, а также преобладание в структуре чеканки мелких и мельчайших номиналов, бившихся, несомненно, несколькими лицевыми штемпелями одновременно[66]. Для рассматриваемого периода характерно также преобладание во всех выпусках грубых примитивных изображений львиной головы, которые, очевидно, представляли собой продукцию местных резчиков.

Выпуск шестого типа, с восьмилучевой звездой на реверсе (табл. II, *49–50*)[67], демонстрирует разрыв с предшествующей архаистичной традицией передачи львиной головы – все изображения л.с. исполнены на достаточно высоком художественном уровне, вполне соответствующем классическому этапу развития античного искусства. Кроме того, эти монеты являются двусторонними монетами в настоящем смысле этого слова – их реверс занят специальным изобразительным мотивом, вписанным в quadratum incusum – восьмилучевой звездой. Все сказанное наводит на мысль о том, что между чеканкой пятого и шестого выпусков пантикапейского серебра мог пройти определенный хронологический промежуток, т.е. после изготовления пятого выпуска чеканка была временно приостановлена.

Примечательно в этой связи, что в археологической истории Пантикапея 80-х годов V в. до н.э. выделяется *фаза 1* строительного периода III, которая характеризуется серьезным регрессом архитектурной среды в центральной части городской территории[68].

Раскопки позволяют заключить, что большинство сооружений центрального района Пантикапея, включая и толос, прекращают свое существование где-то между

---

[66] Например, для гемиоболов – единственного номинала, чеканившегося на протяжении всех пяти начальных выпусков, Н.А. Фролова зарегистрировала 60 штемпелей л.с. Даже если предполагать одновременное использование на монетном дворе пяти штемпелей ежегодно, продолжительность непрерывной чеканки в этом случае составит всего 12 лет.

[67] Frolova 2004, Taf. 9.

[68] Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2004, 351.

490 и 480 гг. до н.э., причем разрушения сопровождаются локальными пожарами. На смену монументальным постройкам приходят значительно более примитивные структуры, фиксируемые археологически как прямоугольные в плане котлованы «землянок» № 3–4, 6–7. Показательно, что некоторые из них прорезают остатки зданий предшествующего периода, а другие, например, подвальное помещение, исследованное на квадрате 108 раскопа Центральный-Северный, пристраиваются к их полуразрушенным стенам (рис. 2)[69].

Между тем все указывает на то, что население не покидает этот центральный район Пантикапея: в руинах зданий предшествующего периода фиксируются следы интенсивной металлургической деятельности. Так, внутри толоса, на поверхности развала его сырцово-кирпичной стены, расчищен мощный пласт сажи и углей с железными и бронзовыми шлаками – выброс отходов металлургического производства, находившийся рядом с прокаленными в огне остатками пода металлургической печи. Обращает на себя внимание находка здесь чешуйки панцирного набора, наконечников стрел. Тут же обнаружены и обломки керамического конусовидного наконечника кузнечных мехов – так называемого «ритона»[70]. Аналогичный «ритон» найден и южнее толоса, в мусорном слое, перекрывавшем улицу.

Сброс сажи, углей, золы и шлаков выявлен также над слоем разрушения в помещении МК I. В другом его помещении найдены остатки еще одной небольшой металлургической печи грушевидной в плане формы, врезанной в материковый грунт. Рядом с ней и в самой печи лежали прокаленные куски печины от ее стенок и купола, сажа, угли, железные шлаки, а также еще один фрагментированный «ритон».

Данные археологических раскопок определенно свидетельствуют, что начало третьего строительного периода отмечено дестабилизацией военно-политической ситуации и серьезными испытаниями для полисов Боспора Киммерийского. Между 490 и 480 гг. до н.э. прогрессивное развитие формирующейся городской среды центрального района Пантикапея было временно нарушено, вероятно, в результате военных действий. Свидетельствами тому служат слои пожарищ и разрушений как в самом Пантикапее, так и в большинстве населенных пунктов по обеим сторонам пролива[71].

Источником военной опасности могли стать новые группы скифов-номадов. Набеги кочевников на первых порах были весьма опасны, о чем свидетельствует факт возведения первых периметров оборонительных стен боспорских городов. Особенно показательны в этом отношении ранние городские стены Тиритаки и древнейшая стена акрополя Пантикапея[72]. В обоих случаях в трассы укреплений были специально включены внешние стены разрушенных и сгоревших в пожарах зданий предшествующего периода, а в слоях пожарищ обнаружены наконечники стрел скифских типов. Совершенно очевидно, что эти укрепления сооружались в условиях серьезной военной опасности и наиболее быстрым и экономичным способом.

В этом пункте исследования мы подходим к вопросу о судьбе раннего пантикапейского периптера. Нельзя исключить, что недавно сооруженный храм также пострадал в этот драматический момент истории Боспора. Приход к власти в Пан-

---

[69] Они же 2003, 315–316.
[70] Трейстер, Шелов-Коведяев 1992, 111–128.
[71] Толстиков 1984, 24–48.
[72] Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 322–325.

тикапее Археанактидов в 480/479 г. и наступившая в 70-е–60-е годы V столетия некоторая стабилизация военно-политической обстановки могли поставить в повестку дня вопрос о восстановлении или ремонте главного храма Боспора.

Может быть, именно этому новому храму принадлежит ионическая капитель аттического типа ГМИИ инв. М-1490, обнаруженная в 1979 г. на Новом Верхнем Митридатском раскопе? Во всяком случае, существование храма Аполлона в Пантикапее в течение IV–III в. до н.э. надежно подтверждено эпиграфическими источниками[73].

Не рискуя углубляться в сферу отвлеченных предположений, отметим лишь один существенный, на наш взгляд, факт: диаметр нижней плоскости эхина названной капители равен 60 см, т.е. идентичен диаметру реконструируемой нами капители раннего храма. Это может указывать на то, что птера нового храма могла иметь примерно те же параметры, что и колоннада раннего периптера.

Признаки регресса, выразившиеся в возврате к примитивным типам построек на фоне интенсивной металлургической деятельности, сопряженной с весьма опасным в пожарном отношении производством предметов оборонительного и наступательного вооружения не только на городской территории Пантикапея, прилегавшей к акрополю, но и в пределах самого акрополя, отражают, на наш взгляд, всю остроту военно-политической ситуации в 80-х–70-х годах V в. до н.э.

Уникальная находка бронзовой монеты, детально воспроизводившей тип триобола или диобола второго выпуска[74], в составе металла которой были обнаружены незначительные следы серебра, вероятно, бывшие следами плакировки, может, как кажется, свидетельствовать об определенных затруднениях, которые начал испытывать пантикапейский монетный двор после 490–489 гг. до н.э. Подобные затруднения, безусловно, были связаны с нехваткой необходимого для полноценной серебряной чеканки драгоценного металла, вызванного, возможно, причинами военно-политического характера.

Материалы раскопок на западном плато акрополя Пантикапея однозначно свидетельствуют о том, что около середины V в. до н.э. город вступает в стадию нового подъема. На смену землянкам вновь приходят наземные постройки с сырцово-кирпичными стенами и тщательно выполненными каменными цоколями[75]. С этим новым IV строительным периодом может быть синхронизировано и возобновление работы монетного двора, ознаменовавшееся выпуском серебра шестого типа с восьмилучевой звездой на реверсе (табл. II, *49–50*). Отмеченная выше близость лицевого изображения монет этого выпуска образцам регийской чеканки, датируемой после 461 г. до н.э. (табл. I, *30*; табл. II, *31*) (см. прим. 35), подтверждает подобное предположение.

Литература

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008: Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь–Керчь.

Абрамов А.П. 1993: Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 3. М., 3–164.

Анисимов А.И. 1992: Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // СГМИИ / И.Е. Данилова (ред.). 10. М., 329–353.

[73] КБН, № 6, 10, 25.

[74] Анисимов 1992, 330, табл. I, *386*.

[75] Толстиков 2001, 405.

Бертье-Делагард А.Л. 1913: Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник. 2, 19–134.

Бутягин А.М., Чистов Д.Е. 2004: Мирмекийский клад кизикинов (предварительная информация) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Сб. докладов. СПб., 31–41.

Завойкин А.А. 2007: Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на Юге Украины и России. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва–Киев–Запорожье, 219–243.

Зограф А.Н. 1951: Античные монеты. М.–Л.

Кузнецов В.Д. 2000: Организация общественного строительства в Древней Греции. М.

Пичикян И.Р. 1984: Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.

Строкин В.Л. 2007: АПОЛ[лония Боспорская] или [храм] АПОЛ [лона]? // Древности Боспора. 11. М., 330–379.

Толстиков В.П. 1984: К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 3, 24–48.

Толстиков В.П. 1992: Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора / В.Д. Кузнецов, Г.А. Кошеленко (ред.). М., 45–99.

Толстиков В.П. 2001: Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // Древности Боспора. 4. М., 385–427.

Толстиков В.П. 2010: Храм Аполлона на акрополе Пантикапея. Проблемы датировки, типологии, периодизации // ПИФК. 1 (27), Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 277–315.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2002: Архаический толос на акрополе Пантикапея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб., 43–49.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2002а: К хронологии застройки западного плато акрополя Пантикапея // Древности Боспора. 5. М., 260–285.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2003: Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V вв. до н.э. // Древности Боспора. 6. М., 307–327.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2003а: Новая землянка из Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 259–266.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2004: Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // Древности Боспора. 7. М., 344–365.

Трейстер М.Ю., Шелов-Коведяев Ф.В. 1992: Глиняный конусовидный предмет с граффито из Гермонассы // СГМИИ / И.Е. Данилова (ред.). 10. М., 111–128.

Шелов Д.Б. 1949: Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 2, 93–98.

Шелов Д.Б. 1951: К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах // КСИИМК. XXXIX, 45–52.

Åkerstrom A. 1966: Die architektonischen Terrakotten Kleinasien. Amsterdam.

Babelon E. 1894: Études sur les monnaies primitives d'Asie Mineure. I. Trouvaille de Samos // RN. XII, 149–163.

Babelon E. 1907: Traité des monnaies grecques et romaines. Vol. 1. II-e partie. P.

Barron J.P. 1966: The Silver Coins of Samos. L.

Becker F. 1988: Ein Fund von 75 milesischen Obolen // SNR. 67, 5–30.

Brett A.B. 1955: Catalogue of Greek Coins. Museum of Fine Arts. Boston.

Cahn H.A. 1970: Knidos. Die Münzen des sechsten und des fünften Jahrhunderts v. Chr. B.

Carradice J., Price M. 1988: Coinage in the Greek World. L.

CNG 2004: Classical Numismatic Group. Mail Bid Sale 67. September 22, 2004.

CVA 1996: Corpus Vasorum Antiquorum. Russia. Fasc. I: Pushkin State Museum of Fine Arts. Moscow.

Courtils J. 1983: Ionisme en Péloponnèse ? À propos d'un anthémion archaïque de Thasos // BCH. 107, 133–148.

Courtils J. 1997: Moulures architecturales en marbre de l'ile de Thasos // BCH. 121/2, 489–552.

Frolova Nina A. 2004: Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.). B.

Fuchs W. 1964–1965: Archaölogische Forschungen und Funde in Sizilien 1955 bis 1964 // AA. 79/4, 705–738.

Ginouves R. 1962: ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ. Recherches sur le bain dans l'antiquité grecque. P.

Head B.V. 1879: Catalogue of Greek Coins in the British Museum. Macedonia, etc. L.

Head B.V. 1892: Catalogue of the Greek Coins of Ionia in the British Museum. L.

Herzfelder H. 1957: Les monnaies d'argent de Rhegion frappées entre 461 et milieu du IVe siècle av. J.-C. P.

Hirsch 1998: Münzhandlung Gerhard Hirsch Nachfolger. München. Auktion 201. 24–26. September 1998. München.

Işik E. 2003: Frühe Silberprägungen in Städten Westkleinasiens. Saarbrücken.

Klein D. 1999: Sammlung von griechischen Kleinsilbermünzen und Bronzen. Milan.

Kosmidou E. 2006: Greek Coins from the Eastern Cemetery of Amphipolis // NC. 166, 415–431.

Kraay C.M. 1969: Fifth Century Overstrikes at Rhegium and Messana // La circolazione della moneta ateniese in Sicilia e in Magna Grecia. Atti del I Convegno del Centro Internazionale di Studi Numismatici – Napoli 5–8 Aprile 1967. Roma, 141–150.

Kraay C.M. 1976: Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley–Los Angeles.

Matzke M. 2002: Die frühe Münzprägung von Teos in Ionien // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 50 Jahrg. 2000, 21–53.

Mitsopoulos-Leon V. 1992: Lousoi // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien. 61, 25–29.

Mørkholm O. 1970: Une trouvaille de monnaies grecques archaiques // SNR. 50, 79–91.

Münzen & Medaillen 2001: Münzen & Medaillen Deutschland GMBH. Auktion 9. 4.–5. Oktober 2001. Stuttgart.

Pfeiler B. 1966: Die Silberprägung von Milet im 6. Jahrhundert v. Chr. // SNR. XLV, 5–25.

Price M., Waggoner N. 1975: Archaic Greek Coinage: the Asyut Hoard. L.

Robinson E.S.G. 1946: Rhegion, Zankle-Messana and the Samians // JHS. 66, 13–20.

Rosen J.P. 1983: Archaic Coins: An Exhibition at the J. Paul Getty Museum from the Collection of Jonathan Rosen. Malibu.

Schmidt-Dounas B. 2004: Frühe Peripteraltempel in Nordgriechenland // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, 107–145.

Seiler F. 1986: Die griechische Tolos. Untersuchungen zur Entwicklung, Typologie und Funktion kunstmäßiger Rundbauten. Mainz am Rhein.

Sellwood D.G. 1963: Some Experiments in Greek Minting Technique // NC. III (series 7), 217–231.

Sheedy K.A. 2006: The Archaic and Early Classical Coinages of the Cyclades. L.

SNG 1967: Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock. Nachträge I. B.

SNG 1969: Sylloge Nummorum Graecorum. Ashmolean Museum. Vol. V. Pt II. Italy. Sicily. Carthage. L.

SNG 1982: Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Thrace. Copenhagen.

SNG 2002: Sylloge Nummorum Graecorum. Turkey. 1: The Muharrem Kayhan Collection. Istanbul.

SNG 2007: Sylloge Nummorum Graecorum. Ashmolean Museum. Vol. V. Pt IX. Bosporus – Aeolis. Oxf.

Tobey L.B., Tobey A.G. 1993: Experiments to Simulate Ancient Greek Coins // Metallurgy in Numismatics 3 / M.M. Archibald, M.R. Cowell (eds.). L., 28–35.

Weidauer L. 1975: Probleme der frühen Elektronprägung. Fribourg.

II. ON THE BEGINNING OF COINAGE ON THE BOSPORUS

S.A. Kovalenko, V.P. Tolstikov

The article considers the time and circumstances of the beginning of coinage in Panticapaeum, which was to become the capital of the Bosporan Kingdom. The earliest coin issues are examined in the context of late archaic Greek coinage, which makes it possible to show their place in the history of ancient coinage. The results of recent research carried out by the archaeological expedition of the State Pushkin Museum of Fine Arts are used in the article. A complex of numismatic, archaeological and historical evidence enables the authors to conclude that the first Bosporan coins were struck in the first years of the 5th c. BC in view of the necessity to cover a vast programme of public construction works which made Panticapaeum a real centre of urban life.